

Уголовно-процессуальная форма: границы необходимого и достаточного

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института
Уфимский университет науки и технологий, Уфа (Россия)
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

E-mail: aatar@mail.ru, ufa_kafedra@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9700-5915>

Поступила в редакцию 02.10.2024

Пересмотрена 23.10.2024

Принята к публикации 28.10.2024

Аннотация: Уголовно-процессуальная форма – это неотъемлемая часть содержания уголовного процесса и объект самых ожесточенных дискуссий в науке, заметно перегруженных идеологическими тезисами и аргументами, резкой, иногда избыточно эмоциональной критикой в адрес действующего закона и в адрес оппонентов, предлагающих какие-то изменения и дополнения этого закона. Для детального анализа выбран вопрос о том, где заканчивается объективно необходимый набор формальных предписаний закона относительно уголовно-процессуальной деятельности и начинаются очевидные процедурные и документальные излишества. «Заформализованность» российского уголовного процесса – это негативная тенденция в его современном развитии. На примере рассмотрения ходатайств следователем показано наличие явных процедурных излишеств, предусмотренных действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ. В литературе в качестве исторической причины такой тенденции названы глобальная «административизация» отечественной юстиции в первые годы советской власти и дефицит лояльных к ней квалифицированных юридических кадров. Отдельные авторы утверждают, что фактическое устранение обоих названных факторов в дальнейшей истории не привело к упрощению уголовно-процессуальной формы, и называют примеры избыточной «заформализованности». На примерах из Устава уголовного судопроизводства 1864 года показано, что и до советского периода российской истории взаимоотношения представителей власти между собой – судебным следователем и полицией, а также между властными субъектами и лицами, не наделенными властью, всегда регламентировались детально. В результате сформулирован вывод о том, что уголовно-процессуальная форма – это необходимое условие легитимности властной правоприменительной деятельности, персонификация ее применения и ответственности за нее. В этой части детальность нормативной регламентации и документального оформления не может считаться излишней.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная форма; уголовный процесс; уголовное судопроизводство; процессуальная форма; уголовно-процессуальная деятельность; уголовно-процессуальные правоотношения; процессуальные действия; процессуальные решения; процессуальные документы.

Для цитирования: Тарасов А.А. Уголовно-процессуальная форма: границы необходимого и достаточного // Jus strictum. 2024. № 4. С. 39–46. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-4-59-5.

ВВЕДЕНИЕ

Уголовно-процессуальная форма – это, по сути, сам уголовный процесс в его внешнем выражении, поэтому любые дискуссии по любым проблемам уголовного процесса – это споры по поводу его правовой формы. В научной литературе критиковать действующий закон давно считается чуть ли не хорошим тоном. Большинство критикующих обычно предлагают усовершенствовать разные законоположения с разной степенью радикальности и, как правило, с изложением каких-то наборов аргументов, которые сами считают неотразимыми, а нередко и самоочевидными. При этом обычно авторы с не меньшей настойчивостью критикуют друг друга и в части предлагаемых изменений и дополнений закона, и в части систем аргументации. В критике других авторы тоже считают самих себя правыми, свою правоту безусловной, а собственные аргументы – более убедительными, чем у оппонентов. Нет никаких гарантий,

что конкретные авторские предложения о совершенствовании уголовно-процессуальной формы в случае их реализации непременно дадут положительный эффект, т. е. что «новое» будет хотя бы не хуже, чем «старое». Однако пока этой реализации не состоялось, горячие споры продолжаются, а если что-то из предложений все же реализовано, научные дискуссии разгораются с новой силой, поскольку всегда найдутся недовольные реализованными новшествами. В новых дискуссиях рождаются новые проекты реформирования. Этот процесс воспроизводится в истории отечественного уголовного процесса практически без перерыва уже не одно столетие. Перечислить авторов, занимавшихся проблемами совершенствования процессуальной формы, не представляется возможным, поскольку в этот перечень войдут все представители уголовно-процессуальной науки за все время ее существования.

В этой давно привычной ситуации «вечного дискуссионного фона» целесообразно каждый раз детально анализировать сами авторские критические суждения и предлагаемые проекты реформирования уголовно-процессуальной формы, системы аргументов, которыми сопровождается то и другое. Главное в таком анализе – максимально абстрагироваться от эмоциональной, лозунговой, т. е. декларативной составляющей этих суждений. Декларации, как правило, не несут самостоятельной смысловой нагрузки в отношении собственно уголовно-процессуальной формы, а лишь отражают мировоззренческие позиции конкретного автора, иногда – авторские установки конъюнктурного свойства, и нередко способны ввести в заблуждение относительно прогрессивности и перспективности провозглашаемых этим автором идей. Изобилие эмоциональных негативных оценок чужих суждений и столь же эмоциональных аргументов в пользу собственных тезисов и выводов – это довольно распространенная в современной юридической науке логическая ошибка, именуемая «доводом к публике», рассчитанным на обращение более к чувствам читающих, нежели к профессиональному анализу сказанного [1]. Идеологическая аргументация характерна более для научно-популярной литературы, рассчитанной главным образом на непрофессиональную аудиторию, и допускаемая, в принципе, именно в ней [2]. Используя такую же аргументацию в юридической науке, даже очень хорошие аналитики допускают ошибки в своих логических построениях, а нередко и вовсе отвлекаются от собственно правового содержания дискуссии [3]. Для исследований, в которых предлагается совершенствование уголовно-процессуальной формы, особенно в последние годы характерны эмоционально окрашенные заявления об избыточной бюрократизации уголовного судопроизводства, о необходимости деформализации отдельных процедур и т. п. С той же настойчивостью другие авторы предлагают более детальную регламентацию процедур производства по уголовному делу, утверждая, что именно ее отсутствие порождает главные трудности правоприменения.

Цель исследования – на примерах конкретных уголовно-процессуальных институтов показать, что степень детализации нормативно-правовой регламентации правоприменительной деятельности по уголовным делам необходима и достаточна, если она позволяет четко разграничить властную компетенцию государственных органов и определить правила их взаимодействия с личностью как носителем конституционных прав и свобод.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе структурно-системного анализа действующего уголовно-процессуального закона и предложений отдельных реформаторов отечественного уголовного процесса по его совершенствованию выясняется, насколько эти предложения соответствуют системному смыслу всего уголовно-процессуального регулирования.

Использование исторического анализа и сравнительно-правовых методик позволяет сопоставить положения российского уголовно-процессуального законодательства XIX века с советским и постсоветским уголовно-процессуальным законом на предмет соответ-

ствия принципам взаимодействия органов власти между собой и с другими участниками процессуальных правоотношений.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Соотношение уголовно-процессуальной формы и содержания уголовного процесса

Уголовно-процессуальная форма традиционно понимается в науке как неотъемлемая часть содержания самого уголовного процесса, т. е. нацеленной на решение задач уголовного правосудия деятельности властвующих субъектов, ответственных за производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений, с участием иных физических и юридических лиц. В уголовном процессе нет ничего, что не имело бы собственной процессуальной формы – ни доказательств, какой бы информационной ценностью для раскрытия преступлений и для производства по уголовному делу ни обладали какие-то сведения, предметы или документы, ни законного принуждения в отношении любых людей, ни властных полномочий конкретных должностных лиц, ни их решений, имеющих юридическую силу. Уголовного процесса без процессуальной формы не существует, и этот факт является ровесником государственного устройства общества, взявшего на себя функцию защиты населения, проживающего на его территории, от тех человеческих поступков, которые это государство признало преступлениями. Уголовно-процессуальная форма в традиционном теоретическом представлении – это совокупность всех уголовно-процессуальных правоотношений двух принципиально различающихся видов: между двумя и более властвующими субъектами; между ними и участниками процесса, властью не обладающими [4]. Процессуальная форма может анализироваться как в целом, так и в части отдельных ее относительно самостоятельных составляющих. В литературе с советских лет разграничивали «внутреннюю форму» уголовного судопроизводства, под которой понимались именно уголовно-процессуальные отношения и «обрядность» процессуальных действий, и «внешнюю форму» уголовного процесса как «формально-церемониальное выражение его специфического содержания – урегулированной законом уголовно-процессуальной деятельности» [5, с. 239]. Не считая необходимым более подробно вникать здесь в эти теоретические тонкости, подчеркнем лишь, что любые научные изыскания в области уголовного судопроизводства – это исследование проблем уголовно-процессуальной формы, даже если сам исследователь об этом прямо не заявляет. Сказанное делает понятным, с одной стороны, что сам факт необходимости процессуальной формы не ставится под сомнение никем в современной науке, а с другой стороны – что вокруг уголовно-процессуальной формы всегда велись, ведутся сейчас и будут вестись самые острые дискуссии. Очертить хотя бы приблизительно круг вопросов, по которым ведутся основные споры такого рода, не представляется возможным ввиду глобальности самого явления процессуальной формы.

Выделим для более детального анализа то направление научных исследований, которое в последние несколько лет приобрело наиболее выраженные очертания – выяснение того, где заканчивается объективно необходимый набор формальных предписаний закона относительно уголовно-процессуальной деятельности и где начинаются очевидные процедурные и документальные излишества, для которых в литературе не без оснований придуманы яркие эпитеты – «заформализованность», «забюрократизированность» [6] и т. п.

«Заформализованность» российского уголовного процесса как негативная тенденция в его современном развитии

С.Б. Россинский справедливо и последовательно обращает внимание юридической общественности на важную «высокую», т. е. не техническую миссию уголовно-процессуальной формы, ее значение для определения сущности уголовного судопроизводства, его роли в жизни общества. Автор правильно и последовательно показывает, что излишняя детализация каждого процедурного шага правоприменителя ограничивает его творческую самостоятельность, главным образом в доказательственной деятельности по уголовным делам, а порой и вовсе не оставляет места для его минимальной инициативы и превращает носителя властных полномочий в банального делопроизводителя, а уголовно-процессуальный закон – в примитивную «пошаговую инструкцию» или «памятку» для него [7].

Со сказанным трудно не согласиться: объемы уголовных дел на практике неуклонно растут, и, как правило, вовсе не от накопления важной доказательственной информации, а от разного рода служебных документов, не представляющих самостоятельной доказательственной ценности. К числу подобных бессодержательных с точки зрения уголовно-процессуальной формы документов относим, например, постановление следователя или дознавателя об удовлетворении ходатайства, предусмотренное в ст. 122 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ. В ч. 3 ст. 159 УПК РФ, специально посвященной рассмотрению ходатайств следователем и дознавателем, предусмотрено вынесение постановления только о полном или частичном отказе в удовлетворении ходатайства, что правильно, поскольку лишь отказом в удовлетворении ходатайства можно нарушить или ограничить чьи-то права. Точно так же этот вопрос решался и в ч. 2 ст. 131 УПК РСФСР 1960 года: «О результатах рассмотрения ходатайств сообщается лицу, заявившему ходатайство. При полном или частичном отказе в ходатайстве следователь обязан вынести постановление с указанием мотивов». В официальном комментарии этого законоположения, исходящем от высшего руководства Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР, специально еще и пояснялось: «В случае удовлетворения ходатайства следователь может ограничиться устным сообщением или письменным уведомлением без указания мотивов» [8, с. 178]. Заявляя ходатайство о производстве какого-то процессуального действия или о принятии какого-то процессуального решения, участник процесса ждет вовсе не какой-то «успокоительной бумажки», в которой сказано о том, что он прав и что его просьба будет когда-нибудь исполнена. И хотя в современной литерату-

ре высказываются суждения в пользу необходимости вынесения постановлений об удовлетворении ходатайств [9], возьмем на себя смелость утверждать, что такое постановление – это именно пустая бумажка, не имеющая никакого процессуального смысла, но при этом требующая умственных, временных, материально-технических и организационных затрат. Заявитель ходатайства ждет либо выполнения его просьбы и производства желаемых им процессуальных действий, либо вразумительных объяснений, почему его просьба не может или не должна быть выполнена. Заявление ходатайств – это самая распространенная, если не сказать массовая, форма проявления процессуальной активности всех невластных участников производства по уголовному делу. Нетрудно представить, сколько усилий и времени, заслуживающих более достойного использования, вынужден тратить каждый следователь и дознаватель на эту бесплодную переписку со всеми ходатаями.

Нелишне отметить в этом контексте, что в уголовном процессе немало заявлений, прямо в законе не названных ходатайствами, но фиксирующих волеизъявления участников процесса и содержащих просьбы о совершении каких-то процессуальных действий, обращенные к следователям или дознавателям. Таковы, например, заявления обвиняемого и потерпевшего о прекращении уголовного дела в связи с их примирением [10]. Рассуждая *ad absurdum*, представим себе совершенно нелепую картину, когда следователь, вместо того чтобы выносить постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим, подлежащее, как известно, еще и согласованию с руководителем следственного органа, сначала в строгом соответствии с требованиями ст. 122 УПК РФ должен вынести два постановления об удовлетворении ходатайств. Утрируем ситуацию еще и тем, что после удовлетворения обоих ходатайств руководитель следственного органа не даст своего согласия на прекращение дела по этому не реабилитирующему основанию. Ситуация странная, но предписаниям действующего закона она соответствует.

Правоприменительная практика, как правило, ищет и находит собственные «выходы» из подобных ситуаций «неудобного» нормативно-правового регулирования. В лучшем случае на практике такие предписания молча игнорируют, как минимум до тех пор, пока какой-то контролирующий субъект прямо не укажет на выявленное им упущение. Хуже, когда эти ситуации используются недобросовестными правоприменителями для решения каких-то своих конъюнктурных задач. Так, постановлениями об удовлетворении ходатайств на практике некоторые следователи и дознаватели научились пользоваться для того, чтобы на время «отделаться» от ходатая, изначально не имея намерения что-либо предпринимать во исполнение его «удовлетворенного» ходатайства. Например, допрашивать далеко живущего свидетеля, которого еще и трудно вызвать на допрос в силу разъездного характера работы.

С.Б. Россинский настойчиво проводит и аргументирует идею, что действующий УПК РФ изобилует нормами, которые «предполагают ярко выраженный технический и технологический характер (курсив наш. – А. Т.). Иными словами, такие нормы устанавливают

не столько порядок уголовного судопроизводства, сколько правила уголовно-процессуального делопроизводства» [11, с. 121]. Автор приводит в качестве примеров немало действующих законоположений сугубо канцелярского свойства. Таково правило о запечатывании в конверт засекреченных данных о личности, например свидетеля, когда на самом деле требуется обеспечить неприкосновенность этих данных и недопустимость их разглашения, и совершенно не важно, каким техническим способом это будет сделано. С.Б. Россинский не без оснований оценивает требование предъявлять материалы уголовного дела для ознакомления участниками процесса в подшитом и пронумерованном виде и отмечает, что это правило на практике совсем не трудно обойти, что с давних пор и делалось [11]. В эпоху цифровизации это процедурное требование и вовсе выглядит архаично и даже странно.

С.Б. Россинский высказывает небезосновательные и весьма любопытные версии относительно двух глобальных исторических причин столь детальной регламентации каждого действия следователя и оформления каждого документа в уголовном деле, часто без видимой необходимости. Первая причина – это «административизация уголовной юстиции» России в 1920-е годы, в результате которой «следственной, прокурорской и судебной деятельности стали свойственны бюрократическая аура, особый "министерский" климат и своеобразная чиновничья ментальность. Если классические следователи, прокуроры, судьи – это полноценные субъекты правоприменительной практики в сфере уголовной юстиции, то работа чиновника нередко сводится именно к делопроизводству, документообороту» [11, с. 124]. Вторую историческую причину усиленной формализации уголовного процесса С.Б. Россинский видит в острой нехватке лояльных к советской власти квалифицированных юридических кадров в 1920-е годы: «Государство рассчитывало ограничить степень дискреционной свободы и творческой самостоятельности безграмотных правоприменителей» [11, с. 124], поэтому и первые советские уголовно-процессуальные кодексы представляли собою «памятку» для таких специалистов. Мера эта была вынужденной, и именно она позволила советской власти в первые годы ее существования справиться с волной преступности. С этими суждениями и версиями С.Б. Россинского трудно не согласиться: «старый мир» разрушался стремительно, представители дореволюционных профессиональных юридических сословий автоматически или почти автоматически оказывались «чуждыми классовыми элементами», многие из них покидали Россию, а другие просто активно сопротивлялись советской власти и уничтожались. Задачу противодействия преступности, резкий рост которой неизменно сопровождает любую революцию и гражданскую войну, по определению вынуждено возлагать на себя руководство тех политических сил, которые находятся в данный момент у власти.

Основы нормативно-правовой регламентации производства по уголовным делам сложились в первые послереволюционные годы, и, по мнению С.Б. Россинского, впоследствии воспроизводились во всех вновь принимаемых законах, и постепенно все к этому привыкли. Это правило, как полагает С.Б. Россинский, сохранило силу и в действующем УПК РФ 2001 года.

Большинству чиновников действительно удобнее работать в условиях жесткой регламентации и вертикали власти и подчинения, поскольку такая работа не требует творческой активности и инициативы. Однако чиновничья организация досудебного производства по уголовным делам вошла в противоречие с возрождением в постсоветской России такого отношения к судебной власти и правосудию, при котором они уже не воспринимаются как придаток административной машины и просто один из вариантов чиновничьей службы. Наиболее ранним и ярким примером такой смены парадигмы было создание в соответствии с Законом СССР от 26 декабря 1990 года № 1861-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления» Высшего арбитражного суда СССР взамен существовавшего до этого Государственного арбитража при Совете Министров СССР. Для определения компетенции и порядка деятельности этого нового органа судебной власти чуть позднее был принят специальный Закон СССР № 1861-I от 17 мая 1991 года, что однозначно подчеркнуло прямую связь между конституционно-правовым статусом суда как органа правосудия и процедурной формой его деятельности. Система созданных впоследствии арбитражных судов Российской Федерации и принимаемые Арбитражные процессуальные кодексы эту связь еще более укрепили, а многим специалистам дали основания считать именно арбитражный процесс своего рода флагманом в реализации самых прогрессивных идей обеспечения в современной России независимой судебной власти и подлинного правосудия. Процессуальная форма отправления правосудия как раз и является главным средством такого обеспечения, независимо от отраслевой принадлежности разрешаемых судебных дел.

В новейшей уголовно-процессуальной литературе в рамках межотраслевых процессуально-правовых исследований показано, насколько невыгодно отличается уголовный процесс в части некоторых универсальных показателей качества его судебного производства от других отраслей правосудия. Такое положение в значительной мере определяется именно «чиновничьей заорганизованностью» многих процедурных механизмов, прежде всего досудебного производства, которые традиционно оказывают влияние и на последующее судебное разбирательство по уголовным делам [12]. А.Р. Шарипова видит радикальный выход из этой явно не оптимальной схемы в разделении уголовно-процессуального закона на два изолированных друг от друга (хотя и относительно в силу единой материально-правовой основы социального конфликта) кодифицированных нормативных правовых акта с условными названиями «Кодекс расследований» и «Судебный кодекс» [13]. При всей внешней экзотичности такого предложения более детальное его рассмотрение позволяет считать, что это смогло бы как-то изолировать уже ставшую привычной жестко регламентированную и формализованную, сугубо чиновничью досудебную часть российского уголовного процесса от собственно правосудия по уголовным делам с присущими ему независимостью судей, не находящихся ни в чьем вертикальном подчинении, состязательностью и гласностью процедур судебного разбирательства.

«Новое» в уголовно-процессуальной форме должно быть как минимум не хуже, чем «старое»

Кажущаяся очевидной потребность современной практики в устранении избыточного бюрократического формализма из уголовного процесса и столь же заметная эмоциональная окрашенность авторских заявлений на этот счет требуют, как представляется, детального анализа собственно уголовно-процессуального содержания этих заявлений.

Нельзя не прислушаться к высказанной Л.В. Головкино резко негативной оценке идей «деформализации» уголовного процесса, создаваемых «в кабинетах "доктринеров"»: «Государство должно корректно и легитимно участвовать в уголовном процессе не в "деформализованном" виде, а исключительно посредством сложной системы процессуально действующих государственных органов, разграничивающих между собой на уровне тонкого механизма "сдержек и противовесов" различные публично-правовые уголовно-процессуальные функции» [14, с. 268]. Далее обоснованно говорится о том, что любой вариант процессуального разделения властей между юстицией и полицией «лучше отсутствия такового в виде некой "деформализации процессуальности"» [14, с. 268].

Рассмотрим с этих позиций чуть подробнее отдельные критические высказывания С.Б. Россинского по поводу конкретных выявленных им недостатков существующей процессуальной регламентации досудебного производства по уголовным делам. «Например, ч. 2 ст. 146 УПК прямо обязывает дознавателей и следователей указывать в постановлении о возбуждении уголовного дела дату, место и время его вынесения, сведения об авторе, повод и основания для возбуждения уголовного дела и предварительную юридическую оценку (квалификацию) произошедшего» [11, с. 122]. Далее автор приводит длинный перечень процессуальных актов следователя, дознавателя и суда, к которым предъявляются аналогичные и, судя по общему авторскому контексту, излишне детальные требования, названные автором «законодательными перегибами». Сразу заметим, что в этот перечень среди прочего попали постановление о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительное заключение, обвинительный акт [10], т. е. те исходящие от уполномоченных властвующих субъектов процессуальные решения, в которых фиксируется предъявленное обвинение. Предъявленное обвинение, напомним, в соответствии с требованиями ст. 252 УПК РФ определяет пределы судебного разбирательства по уголовному делу. Заметим также, что попавшие в перечень обвинительное заключение и обвинительный акт – это итоговые процессуальные документы досудебного производства, и с ними уголовное дело направляется в суд для рассмотрения и разрешения по существу. В этом же перечне оказалось и досудебное соглашение о сотрудничестве, сложная правовая природа которого явно не позволяет считать его простым канцелярским документом [15]. По итогам такого перечисления С.Б. Россинский эмоционально сетует: «Вполне вероятно, что в обозримом будущем подобные тенденции способны привести к еще большим правотворческим перегибам, например, к "узакониванию" требований, предъявляемых к цвету бумаги, техническим характеристикам печатающего устройства (прин-

тера), допустимой степени отклонения почерка автора протокола от прописи и т. п.» [11, с. 122]. Позиция С.Б. Россинского в этой части предельно ясна, и выше она здесь уже приводилась: незачем загружать «высокую» уголовно-процессуальную форму такими «техническими и технологическими» правилами, сравнимыми по своей значимости с требованиями к цвету бумаги, принтеру и почерку «автора».

Между тем тот, кого С.Б. Россинский дважды называет словом «автор», – это должностное лицо, представляющее государство, уполномоченное этим государством действовать от его имени и принимать процессуальные решения, т. е. реализовывать государственную власть в конкретный момент времени при наличии конкретных оснований [16]. Субъективная оценка наличия либо отсутствия таких оснований отдана в распоряжение именно этого должностного лица с неременной последующей возможностью удостовериться в том, что это должностное лицо не злоупотребило своими полномочиями, не проявило некомпетентности в оценке фактических обстоятельств, давших ему основания распорядиться предоставленной ему властью, т. е., грубо говоря, не «подставило» свое государство, не действовало во вред как самому государству, так и людям, оказавшимся по разным причинам в конкретное время в конкретном месте. Что же из перечисленного С.Б. Россинским можно считать излишним в законодательном требовании об официальной документальной фиксации конкретного носителя властных полномочий и оснований вмешиваться от имени государства в чужую частную или публичную жизнь?

С.Б. Россинский не упрекает Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года (далее – Устав) в излишней «заформализованности» уголовно-процессуальной деятельности, в сходстве с «пошаговой инструкцией» или «памяткой для безграмотных правоприменителей». Императорских судебных следователей и других «правоприменителей» того времени С.Б. Россинский безграмотными тоже не считает, хотя среди них, конечно же, могли попадаться всякие [17].

Приведем полностью, например, ст. 258 Устава, в которой получил отражение малый эпизод взаимоотношений полиции и судебного следователя. «В тех случаях, когда полицией застигнуто совершающееся или только что свершившееся преступное деяние, а также когда до прибытия на место происшествия судебного следователя следы преступления могли бы изгладиться, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, не терпящих отлагательства, как-то: в осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках, но формальных допросов ни обвиняемым, ни свидетелям полиция не делает, разве бы кто-либо из них оказался тяжело больным и представилось бы опасение, что он умрет до прибытия следователя»¹. Чем не «пошаговая инструкция», если использовать авторскую терминологию С.Б. Россинского? А на самом деле в этой норме конкретизируется важный фрагмент взаимоотношений двух уполномоченных властвующих субъектов – судебного следователя как представителя

¹ Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Конституция РФ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

судебной власти и полиции как представителя власти исполнительной (т. е. администрации). И, кроме того, этим законоположением ограждаются от возможных злоупотреблений люди, в том или ином качестве причастные к деятельности этих властвующих субъектов. Когда речь идет о государственной власти, подобная конкретика вовсе не кажется излишней. Действия судебного следователя и его взаимоотношения с прокурором как носителем обвинительной власти в системе юстиции были регламентированы в Уставе ничуть не менее детально. То же касается и взаимоотношений судебного следователя с теми, кто властью не обладал. Например, со «сведущими людьми» (названными впоследствии в советском законе «экспертами» и «специалистами» с разграничением этих процессуальных статусов [18]), а также с отдельно названными в Уставе «врачами» и «судебными врачами», участвующими в осмотре «мёртвого тела» (по советскому и постсоветскому законам – специалистами в области общей или судебной медицины, участие которых в осмотре трупа было обязательным [19]).

Не откажем себе в удовольствии процитировать полностью еще одно положение Устава – ст. 340. «До прибытия судебного врача к местонахождению мёртвого тела судебный следователь: 1) при сомнении в действительной смерти принимает меры к оживлению умершего, а в противном случае – к сохранению тела от порчи и случайных повреждений; 2) удостоверяется в тождестве мёртвого тела с лицом, о смерти коего производится следствие, и 3) составляет о принятых мерах протокол установленным порядком»². И здесь, как видим, судебному следователю закон четко предписывает, что он обязан сделать на месте происшествия в случаях обнаружения трупа. Эта регламентация не кажется излишней, поскольку она нацелена на обеспечение доказательственной силы тех сведений, которые получал при конкретных обстоятельствах судебный следователь как представитель судебной власти, являющийся действительным членом окружного суда. Это был человек с университетским образованием, сдавший квалификационный экзамен, и он уж наверняка знал, что ему надо делать на месте происшествия. Однако подробная регламентация действий судебного следователя – это фиксация их процессуальной легитимности.

Именно эта регламентация была во многом заимствована и советскими Уголовно-процессуальными кодексами, несмотря на то что глобальная «административизация» всей общественной жизни, в том числе и системы уголовной юстиции, верно и терминологически точно обозначенная С.Б. Россинским, существенно поменяла уголовно-процессуальную форму в ее высоком понимании. При советской власти произошли радикальные перемены в понимании многих существовавших и в императорской России процессуальных институтов. Так «дознание» с этим же терминологическим обозначением из дореволюционного сугубо «полицейского разведывания» [20] постепенно превратилось в процессуальную деятельность, приближенную к предварительному следствию, которое по Уставу бы-

ло совсем не полицейским. Понятие и правовой статус самих органов дознания становятся все более неопределенными [21], и здесь действительно не обошлось без элементов бюрократизации и неоправданных усложнений процедур без видимой необходимости³. Однако под видом «дебюрократизации» и оправданных процедурных упрощений нельзя допускать персонифицированного и не фиксируемого документально властного произвола, к которому неизбежно приводит любое бесконтрольное распоряжение властными полномочиями. Российская история многократно доказывала такую неизбежность. Думается, не случайно в последние годы наряду с призывами к упрощению и «дебюрократизации» в научной литературе звучат предложения о сохранении даже тех чуть ли не уникальных для России и Советского Союза и подвергнутых самой жесткой критике процедурных гарантий от властных злоупотреблений – например, участия понятых в следственных действиях [22].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уголовно-процессуальная форма – это необходимое условие легитимности властной правоприменительной деятельности, связанной с выявлением и расследованием преступлений, рассмотрением и разрешением уголовных дел в судах. Предписания уголовно-процессуального закона, при всем их разнообразии, предназначены для обеспечения процессуальной легитимности взаимодействия органов полиции и юстиции, представляющих разные ветви государственной власти и решающих разные социальные задачи, и легитимности их общего взаимодействия с личностью и обществом в целом.

Уголовно-процессуальная форма, таким образом:

1) фиксирует конкретного субъекта, реализующего властные полномочия, наличие оснований и факт применения принудительной силы государства в отношении конкретных лиц, не наделенных властью, в конкретный момент, что позволяет абсолютно персонифицировать власть и ответственность за ее реализацию;

2) устанавливает запреты, пределы и основания допустимого вмешательства в частную и публичную жизнь людей, а также формы контроля реализации властных полномочий разными, не подчиненными друг другу государственными структурами;

3) позволяет впоследствии точно установить факты злоупотребления властью и лиц, ответственных за них.

В части перечисленного уголовно-процессуальная форма не может считаться излишне детально определенной. Это – не бюрократия, это – легитимизация власти и ответственности за нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгачев В.Е. О наиболее типичных логических ошибках в письменной речи учащихся // Вестник Тамбовского государственного университета.

² Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года // Конституция РФ. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

³ Тарасов А.А. Новое в нормативной регламентации дознания: благо или симптом? // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2017. № 1. С. 121–128. EDN: [XWOKSH](https://www.elibrary.ru/xwoksx).

- Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12. С. 130–134. EDN: [KNOZGB](#).
2. Вольф М.Н. Риторическая аргументация в научно-популярном дискурсе: особенности и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. № 3. С. 426–440. DOI: [10.21638/spbu17.2020.301](#).
  3. Азаров В.А. Действительно ли отказ от «общезивилизационного мирового тренда» в уголовном судопроизводстве губителен для России? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 1. С. 11–19. EDN: [LAJKVY](#).
  4. Прошляков А.Д., Ахматов И.И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений. М.: Юрлитинформ, 2018. 224 с.
  5. Элькинд П.С. Уголовно-процессуальная форма. Процессуальные нормы и производства // Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М.: Юридическая литература, 1976. С. 233–275.
  6. Гаврилов Б.Я. Потребность в новом УПК РФ: современные реалии или фантом? // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 491–497. EDN: [USDXPB](#).
  7. Россинский С.Б. УПК Российской Федерации: воплощение «высокого» предназначения уголовно-процессуальной формы или «памятка» для безграмотных правоприменителей? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 42–46. EDN: [JTCCZD](#).
  8. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А.М. Рекунова, А.К. Орлова. М.: Юридическая литература, 1981. 536 с.
  9. Максимов О.А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2022. 448 с.
  10. Артамонова Е.А. Волеизъявление обвиняемого в уголовном судопроизводстве. М.: Юрлитинформ, 2019. 336 с.
  11. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства? // Труды Института государства и права Российской Академии наук. 2023. Т. 18. № 1. С. 116–135. DOI: [10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy](#).
  12. Шарипова А.Р. Качество правосудия по уголовным, арбитражным и административным делам: сравнение по отдельным параметрам // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 33. № 11. С. 53–61. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.168.11.053-061](#).
  13. Шарипова А.Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2023. 320 с.
  14. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М.: Городец, 2022. 464 с.
  15. Дикарев И.С. Обеспечение прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 196–202. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.24](#).
  16. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2010. 240 с.
  17. Немытина М.В. Судебная реформа 1864 года в России и формирование юридической корпорации // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 3. С. 66–75. EDN: [FWRVBW](#).
  18. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 128 с.
  19. Жданов С.П. Участие специалиста в правоохранительной деятельности. М.: Проспект, 2020. 272 с.
  20. Джамиев М.Р. Стадия возбуждения уголовного дела: быть или не быть в российском уголовном процессе // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 214–218. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.26](#).
  21. Дикарев И.С. Аномалии правового положения органов дознания // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 97–104. DOI: [10.33184/pravgos-2023.2.12](#).
  22. Головачук О.С., Раменская В.С. Понятие в уголовном процессе Российской Федерации: тенденции и перспективы. На основе сравнительно-правового анализа уголовно-процессуального законодательства России, Беларуси и Казахстана // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 18–25. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.2](#).

REFERENCES

1. Dolgachev V.E. On the most typical logical mistakes in students' written speech. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, no. 12, pp. 130–134. EDN: [KNOZGB](#).
2. Volf M.N. Rhetorical argumentation in popular science discourse: features and prospects. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, 2020, vol. 36, no. 3, pp. 426–440. DOI: [10.21638/spbu17.2020.301](#).
3. Azarov V.A. Does the abandonment of the “global international trend” in criminal justice actually harm Russia? *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2024, no. 1, pp. 11–19. EDN: [LAJKVY](#).
4. Proshlyakov A.D., Akhmatov I.I. *Ponyatie, priznaki i sistema ugovovno-protsessualnykh pravootnosheniy* [The concept, characteristics and system of criminal procedure legal relations]. Moscow, YurLitinform Publ., 2018. 224 p.
5. Elkind P.S. Criminal procedure form. Procedural rules and proceedings. *Yuridicheskaya protsessualnaya forma: teoriya i praktika*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976, pp. 233–275.
6. Gavrilov B.Ya. The need for a new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: modern realities or a phantom. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2021, no. 15, pp. 491–497. EDN: [USDXPB](#).
7. Rossinskiy S.B. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: the embodiment of the “high” purpose of the criminal procedural form or a “memo” for illiterate law enforcers? *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2021, no. 6, pp. 42–46. EDN: [JTCCZD](#).
8. Rekunkov A.M., Orlov A.K., eds. *Kommentariy k ugovovno-protsessualnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the RSFSR]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 536 p.
9. Maksimov O.A. *Khodataystva i zhaloby kak forma vyrazheniya naznacheniya ugovovnogo sudoproizvodstva* [Petitions and complaints as a form of expression of

- the purpose of criminal proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 448 p.
10. Artamonova E.A. *Voleizyavlenie obvinyaemogo v ugovnom sudoproizvodstve* [The Will of the Accused in Criminal Proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2019. 336 p.
  11. Rossinskiy S.B. The criminal procedure form vs rules of criminal judicial procedure? *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy Akademii nauk*, 2023, vol. 18, no. 1, pp. 116–135. DOI: [10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2023-18-1-rossinskiy).
  12. Sharipova A.R. The quality of justice in criminal, arbitrazh, civil and administrative cases: comparison by individual parameters. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2020, vol. 33, no. 11, pp. 53–61. DOI: [10.17803/1729-5920.2020.168.11.053-061](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.168.11.053-061).
  13. Sharipova A.R. *Kontseptualnye osnovy mezhotraslevoy konvergensii v sudebnom proizvodstve po ugovnym delam* [Conceptual foundations of intersectoral convergence in judicial proceedings in criminal cases]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 320 p.
  14. Golovko L.V. *Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo* [State and its criminal procedure]. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 464 p.
  15. Dikarev I.S. Ensuring the victim's rights when concluding a pre-trial cooperation agreement. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 1, pp. 196–202. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.24](https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.24).
  16. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo, praktika* [Decisions in criminal procedure: theory, legislation, practice]. 2-izd., pererab. i dop. Moscow, Norma Publ., 2010. 240 p.
  17. Nemytina M.V. Judicial reform of 1864 in Russia and the formation of the legal corporation. *Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs*, 2019, no. 3, pp. 66–75. EDN: [FWRVBW](https://www.edn.ru/FWRVBW).
  18. Tarasov A.A. *Ekspert i spetsialist v ugovnom protsesse Rossii* [Expert and specialist in the criminal process of Russia]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 128 p.
  19. Zhdanov S.P. *Uchastie spetsialista v pravookhranitel'noy deyatelnosti* [Participation of a specialist in law enforcement activities]. Moscow, Prospekt Publ., 2020. 272 p.
  20. Dzhamiev M.R. Initiation stage of criminal proceedings: should it be or not in Russia's criminal procedure? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 1, pp. 214–218. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.26](https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.26).
  21. Dikarev I.S. Anomalies of the legal status of the inquiry bodies. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2023, no. 2, pp. 97–104. DOI: [10.33184/pravgos-2023.2.12](https://doi.org/10.33184/pravgos-2023.2.12).
  22. Golovachuk O.S., Ramenskaya V.S. Attesting witnesses in criminal procedure in the Russian Federation: trends and prospects based on comparative legal analysis of criminal procedure legislation of Russia, Belarus and Kazakhstan. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2024, no. 1, pp. 18–25. DOI: [10.33184/pravgos-2024.1.2](https://doi.org/10.33184/pravgos-2024.1.2).

Criminal procedure form: boundaries of the necessary and sufficient

Aleksandr A. Tarasov, Doctor of Sciences (Law), Professor,

Head of Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law,

professor of Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of the Law Institute

Ufa University of Science and Technology, Ufa (Russia)

Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

E-mail: aatar@mail.ru, ufa_kafedra@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-9700-5915>

Received 02.10.2024

Revised 23.10.2024

Accepted 28.10.2024

Abstract: The criminal procedure form is an integral part of the content of the criminal procedure itself and the object of the fiercest discussions in science, noticeably overloaded with ideological theses and arguments, sharp, sometimes excessively emotional criticism of the current law and of opponents proposing some changes and amendments to this law. The question of where the objectively necessary set of formal prescriptions of the law regarding criminal-procedural activity ends and obvious procedural and documentary excesses begin was chosen for a detailed analysis. The “formalization” of the Russian criminal process is a negative trend in its modern development. The example of the consideration of petitions by the investigator shows the presence of obvious procedural excesses provided for by the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation. In the literature, the global “administrativization” of domestic justice in the first years of the Soviet regime and the shortage of qualified legal personnel loyal to it are named as the historical reason for this trend. Some authors argue that the actual elimination of both of these factors in subsequent history did not lead to a simplification of the criminal procedure form and mention examples of excessive “formalization”. Examples from the 1864 Charter of Criminal Procedure show that even before the Soviet period of Russian history, the relationship between representatives of power – the judicial investigator and the police, as well as between authorities and persons not vested with power – was always regulated in detail. As a result, a conclusion was formulated that the criminal procedure form is a necessary condition for the legitimacy of the authorities’ law enforcement, the personification of its application and responsibility for it. In this part, the detail of normative regulation and documentary registration cannot be considered excessive.

Keywords: criminal procedure form; criminal proceedings; criminal procedure; procedural form; criminal-procedural activity; criminal-procedural legal relations; procedural actions; procedural decisions; procedural instruments.

For citation: Tarasov A.A. Criminal procedure form: boundaries of the necessary and sufficient. *Jus strictum*, 2024, no. 4, pp. 39–46. DOI: [10.18323/3034-2945-2024-4-59-5](https://doi.org/10.18323/3034-2945-2024-4-59-5).